

СВЕТЛЫЙ ЗВЕРЬ

СВЕТЛЫЙ ЗВЕРЬ

Светлый зверь и его зверята.
Пурпур крови, хрусталь и мята.
Где бы ни был ты – ветер, дом.
Полудевушка-полуголубь
держит голову в лапках голых.
Пламенеет глубокий дол.

Где бы ни был ты – ветер, крылья.
Холст, покрытый зарёй и пылью;
на холсте – лебеда и глаз.
Три реки под ступнёй горящей.
Камень мыслящий, говорящий.
Сгусток света, прозрачный вяз.

Начинается время жатвы:
пепел жертвы, в кулак зажатый,
жёлтый порошок, осенний бром.
Полуюноша-полуклевер
изумлённо глядит на север,
и повозка из льна и воска
растворяется за бугром.

ПЕСНЯ

Дерева – дулами,
дороги – ямами...
О чём ты думаешь,
что дышишь ямбами?
О чём ты думаешь?
Во что ты веруешь?
Ветрами дуешься,
туманы вешаешь.

Войдёт Курносая
с косою пшеничною...
А слёзы росами
по строчкам вычурным.
И что-то сбудется –
не то, что надо бы.

И кровь заблудится
в плодах гранатовых.

И что-то сбудется.
Проснутся Големы.
Нырнёт верблюдица
в ушко игольное.
И там, на дне его,
склоняя голову,
увидит дерево
с ветвями голыми.

Дома засветятся.
Уйдут все козыри.
И роща встретится
глазами с озером.
Стволами рослыми
полнеба вычеркнет...
А слёзы росами
по строчкам вычурным.

* * *

Плывут тысячелетья по реке.
Старик-апостол с удочкой в руке
глядящим с пирса кажется мальчишкой.
Поодаль бесы режутся в картишки;
дрожат копытца на сыром песке.

Всё нестерпимей колокольный звон –
то Августа хоронят. Небосклон
по маковку затянут кучевыми.
Щекочут пятки волны кочевые...
Апостол мёрзнет и выходит вон.

Нет ни души (буквально – ни души)
в его ведёрке, так что не смеси
меня крестом или звездой Давида.
Я тоже докурю сейчас и выйду
из комнаты в густые камыши.

* * *

Спал мальчик с жёлтой чёлкой
на старом чердаке;
в одной руке – трещотка,
кристалл в другой руке.

И в сумерках кристалла
звезда души мерцала.
И рыцарь с пьедестала
мерцанье созерцал.
В чугунной рукавице
пощёлкивали птицы.

И был несчастен рыцарь,
но не терял лица.

Зарю в тумане высек
и растворился в выси
Небесный Император,
и на его плечах
из чистого нефрита
процеженный сквозь сито
просвет голубоватый
то ширился, то чах.

И вот из ближней рощи
на городскую площадь
пришёл в росе и в листьях
большой единорог...
Но там, внутри кристалла
звезда души устала,
вздыхнула и упала
в сумятицу дорог.

КРИСТАЛЛ

Колдуны умирали, а мы созерцали их корчи.
Самый главный из них был в кристалл хрустала заключён.
Фиолетовый гном расколол тот кристалл и прикончил
величавого старца своим деревянным мечом.

А с лепных потолков серебристая влага стекала.
Леопардовый вечер сидел за рабочим столом.
Колебались гардины... И холодно зрителям стало –
это северный ветер взмахнул колоссальным крылом.

И когда я упал на квадратные синие плиты,
раскроив себе череп и стиснув кристалл в кулаке,
гном окно растворил и защёлкали звёзды, как гниды,
под железом когтей на младенчески пухлой руке.

КОЛОКОЛ

жёлтый верблюд
дребезжанье трамвая ночного
слушай внимательно не говори что не слышишь
колокол бьёт
из какой его скорби отлили?
осень в лицо и гнездо пулемётное пусто

скоро на юг улетят птеродактили
скоро
голова пеплом посыпят вулканы и лава
брызнет из глаз их

когда ты устанешь молиться
дряхлым богам превратившимся в колокол скорби

слушай внимательно не притворяйся уснувшим
листья шуршат –
это вкрадчивый смех Асмодея
тащит верблюд на волнистой спине по пустыне
в каменных кактусах
кровь потемневшую пьющих

* * *

Очертания мельниц в жёлтом мареве. Рвы да
перелётные башни крепостей красноватых.
Запечатаю губы и ни словом не выдам
эту тихую осень, что обложена ватой

облаков оробелых, колыбельно-курчавых,
принимающих облик то крылатой слонихи,
то степенного старца с головой чау-чау,
протоптавшего тропку сквозь воздушные вихри.

Эта тихая осень со змеиною шеей
обведёт твоё сердце фиолетовой кистью.
Ты опустишься в кресло и уйдёшь в её шелест –
так дракон изумрудный зарывается в листья.

Вот и всё, что осталось. Сны да сумерки. А у
кромки леса, где ветер ищет повод для гнева,
вылупляются птицы из яиц наших аур
и, построившись клином, поднимаются в небо.

* * *

Лепет снежных баб.
Ропот синих дней...
Бородатый бард
на гнедом коне,
углубляясь в лес
или, может, в сон,
видит: мощный бес
выжимает сок
из плодов зари
тёмно-красных, а
на лугу цари.
А вокруг война;
чёрных пушек гвалт,
злой вороний крик...
Бородатый бард
протирает штык.
Он забыл, о чём
пел, когда был юн.
Бьёт приклад в плечо,
а в груди чугун.

Углубляясь в сон
или, может, в лес,
видит беса он,
курит трубку бес.
– Затянись, дружок.
– Только спешусь, брат.
И лицом в снежок.
– До свиданья, бард.
Чёрных пушек гвалт.
Белизна небес.
И не слышит бард
как хохочет бес...
Сам в кольце свечей
да в зрачках ворон,
я забыл, зачем
убивает он.

* * *

Сидели монархи на длинной скамье
с державами в мощных руках.
Был день Собиранья Чёрных Камней.
Блестела заря на клыках

небесного Зверя. И стрельчатый свод
тоски изваянье венчал.
Скользили лучи по течению вод
реки, расшатавшей причал.

И где-то оркестр играл духовой,
а где-то играли в войну:
два войска сошлись в мясорубке одной,
вздымая проклятий волну.

Был день Омовения Алой Росой.
День Поминовения был.
И щурилась Смерть с расплетённой косой,
ступая по плитам могил.

И солнечный диск над Ее головой
нам нимбом казался. И к Ней
сквозь жёлтую дымку бежал вестовой
с поклажей из чёрных камней.